

Ли Чуань видел усмешку в уголках губ демона, но стоило Шэн Цин уйти, как эта улыбка постепенно растворилась в окутавшем всё вокруг тумане.

Ли Чуань сидел на коленях посреди дымки, его потухший взгляд был полон такой скорби, словно он утратил собственную душу.

Вскоре туман начал сгущаться вокруг Ли Чуаня, и лишь когда серые пелены окончательно скрыли обзор, окружающий мир вновь обрел краски.

Словно предчувствуя неладное, Ли Чуань перевел взгляд прямо направо.

Ли Юань перенес останки своих соплеменников в потайной внутренний чертог и обрушил все мосты, ведущие туда.

Он сидел на полу, прижимая к груди окровавленные обрывки родительских одежд.

Ли Юань приник лицом к этой ткани, в точности как в детстве, когда он, укрытый родительскими объятиями, прижимался щекой к их груди.

Это было единственное, что осталось от них, единственное, что хранило их след.

Но эта грудь больше не была теплой, в ней не билось сердце. Ноздри Ли Юаня заполнял запах, который невозможно было выветрить.

Запах крови пропитал не только одежды родителей, он пропитал весь чертог.

Запах смерти.

Осознав это вновь с пугающей ясностью, Ли Юань сжал одежду так крепко, словно хотел впитать её в собственное тело. Его трясло, а на грудь будто навалилась многотонная глыба, не давая вздохнуть. Из уст вырывались лишь глухие стоны.

— Ли Юань...

Тихий голос раздался у самого уха, и дрожь Ли Юаня прекратилась.

Он поднял голову. В его глазах, устремленных на то, что осталось от соплеменников, читались скорбь и жгучая ненависть. Но он спросил предельно спокойным тоном:

— Учитель, разве вы не были нашим божеством-хранителем? Почему вы не спасли нас?

Зрачки Шэн Цин сузились. В её глазах отразились самобичевание и смятение. Она не знала, как оправдаться: если бы она не распылила столько божественной силы по разным храмам, она могла бы защитить жизни клана Яююэ, даже если бы не сумела одолеть захватчиков.

Но, глядя на ненависть в глазах Ли Юаня и на усеянный трупами пол, она не нашла слов.

Когда-то она стремилась вознестись из демонического существа в божество, чтобы спасти всех живых, чтобы каждый был защищен в равной мере. Но ни Клан Пурпурной Змеи, ни клан Яююэ...

Она никого не смогла уберечь.

Шэн Цин разомкнула губы, но тут же плотно их сжала. Лишь спустя долгое время она произнесла:

— Прости меня, Ли Юань.

Ли Юань, глядя пустыми глазами на тела соплеменников, покачал головой:

— Нет, Учитель, вы не виноваты. Виноват этот мир. Только я не понимаю: если добро не встречает добра, зачем защищать такой мир? Можете вы ответить мне, почему?

Глядя на такого Ли Юаня, Шэн Цин не смогла вымолвить ни слова.

И без того безмолвный чертог стал еще тише. Несмотря на множество горящих свечей, здесь было невыносимо холодно.

Ли Юань опустил взгляд на лохмотья родителей, моргнул и бесстрастно произнес:

— Ничего, Учитель. Я сам найду ответ.

Шэн Цин опустила глаза, скрывая муку, и тихо сказала:

— Ли Юань, я не могу ответить на этот вопрос. Я не уберегла Юэчэн, но...

В мире, где есть добро, всегда будет и зло. Шэн Цин медленно поднялась в воздух, её духовное тело начало светиться.

— Хоть я и не могу покинуть это место и истребить всех, кто причинил вред Юэчэну, я стану вечным стражем этих земель. Я не дам телам моих соплеменников истлеть, а виновным в их гибели — выбраться отсюда.

Поняв, что происходит, Ли Юань вскочил на ноги:

— Не надо, Учитель...

Шэн Цин посмотрела на него с любовью и бесконечным раскаянием:

— Счастье, что в этой жизни мы стали учителем и учеником. Жаль лишь, что я не смогла защитить тебя и твой народ. Прости, Ли Юань, это всё, что я могу сделать.

Сказав это, она без колебаний ударила своим Артефактом защиты тела по собственному изначальному духу. Раздался треск — дух раскололся.

В мгновение ока пурпурное сияние накрыло все храмы. Она собственноручно разрушила все свои статуи, её духовное тело начало рассеиваться, а вся накопленная мощь перетекла к Ли Юаню.

В последний миг, глядя на него нежными глазами, она прошептала:

— Прощай, Ли Юань.

— Учитель!

Ли Юань бросился вперед, пытаясь удержать её, но схватил лишь пустоту. Веер Шэн Цин упал на пол с глухим стуком. В огромном чертоге снова воцарилась тишина.

Эта тишина пугала Ли Юаня до дрожи.

После исчезновения Шэн Цин тела его родителей, бывшие лишь грудой окровавленной одежды, вновь обрели человеческий облик. Пятна крови исчезли, и они выглядели так, будто просто уснули, с легкой улыбкой на губах.

Ли Юань посмотрел на соплеменников, которых принес сюда сам: их изуродованные лица тоже восстановились.

— Матушка... Батюшка...

Он позвал их, но ответа, на который он так надеялся, не последовало.

Тела не истлевают? Должно быть, это иллюзия Учителя.

Глядя на тех, кто больше никогда не ответит, Ли Юань почувствовал, как последняя искра жизни в его глазах угасла. Он словно перестал существовать.

С того дня он перестал есть и пить, каждый день изготавливая гробы для своих соплеменников. Юэчэн, некогда мирная обитель, превратился в место вечного пира: вино, музыка и нескончаемые песни.

Они веселились, не подозревая, что Шэн Цин превратила их дом в гробницу, из которой нет выхода.

Ли Юань смотрел на этот постепенно становящийся чужим город с полным безразличием.

Неизвестно, сколько прошло времени, но наконец он закончил все гробы. На каждом он собственноручно вырезал узор из цветов рододендрона, а рядом с родительскими создал гроб для Шэн Цин.

Поскольку нижняя часть тела Шэн Цин была змеиной, он сделал в дне гроба отверстие, чтобы её хвост мог свободно лежать снаружи.

Упокоив всех, он подошел к родителям, бережно уложил их невесомые тела в гроб, в последний раз прошептал прощальные слова и с тяжелым сердцем закрыл крышку.

Затем он подошел к гробу Шэн Цин. Поскольку её плоть давно стала прахом, он положил внутрь её сложенный веер.

В тот же миг веер вспыхнул нежно-пурпурным светом, осветив пустые глаза Ли Юаня. Тело Шэн Цин начало проявляться — сначала руки, затем остальное.

Её ладони покоились на веере, в левом углу гроба расцвела ветвь двойного пиона, в волосах блестела пурпурная заколка, а длинные, как черная тушь, волосы разметались по плечам. Кожа её была бела, как снег, а чешуя змеиного хвоста, проходя через отверстие в гробу, обвивала все остальные саркофаги.

Как она и обещала, она оберегала каждого из клана Яюэ.

Учитель, как и соплеменники, закрыла глаза, словно погрузилась в сон.

— Учитель... — тихо позвал Ли Юань, заранее зная, что не получит ответа.

В последний раз взглянув на своих любимых, он приложил сжатый кулак ко лбу, прощаясь с ними, и наложил магическую печать на все гробы, кроме родительских и учительского, чтобы никто не смел их тревожить.

Когда он обернулся, чтобы уйти, его взгляд потемнел.

Поскольку все, чьи помыслы были осквернены злом, оказались заперты в Юэчэне, Ли Юань, используя силу, дарованную Шэн Цин, перебил всех, кто вошел в город — будь то люди, духи или демоны.

Расправившись с ними, он подошел к главарю демонов, который спал, мучимый кошмарами.

Ли Юань не колебался. Он использовал веер Учителя, чтобы убить его, и наблюдал, как демон рассыпается в прах.

Глядя на горы трупов, он не почувствовал ничего.

В ту же ночь Ли Юань покинул Юэчэн.

В последний раз приложив кулак ко лбу в знак поклона луне, он повернулся к ней спиной и ушел. У ворот он разрубил пополам табличку с названием города, а затем ножом вырезал у себя на лбу лунную метку.

— Отныне в этом мире больше нет Яюэ, — холодно бросил он.

Глядя на его решительную и одинокую фигуру, Ли Чуань опустил глаза, скрывая печаль.

Вскоре силуэт Ли Юаня исчез в густом тумане.

Ли Чуань всегда знал, что нельзя долго оставаться в этом тумане: если задержаться, можно быть поглощенным запечатанными воспоминаниями и рухнуть в бездну.

Но разве туман вокруг него самого не был морем памяти, в котором он застрял?

Зная, что это ловушка, он всё равно был готов утонуть.

Туман продолжал поглощать Ли Чуаня. Он закрыл глаза, желая, чтобы всё это просто прекратилось.

Теперь, когда он стал таким...

Как он сможет спасти этот мир?

— Ли Юань!

<http://bllate.org/book/18809/1829629>